

● К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне

— Как на фотографиях показано, так и было: один человек в самом низу землю откапывал и кидал тому, кто стоял выше, а тот перебрасывал следующему по цепочке... И так до самого верха. Рвы-то глубокие были, — рассказывает **Валентина Павловна БОЧКАРЕВА**. — Чтобы выкопать один метр рва, нужно было отрыть десяток кубометров тяжелого грунта, выбросить его с большой глубины, затем разбросать вдоль края.

На строительство оборонительной линии девушку призвали через месяц после начала войны. Работы под Селижаровом к тому времени уже велись. Местные жители и мобилизованные из других районов области рыли противотанковые рвы, строили деревоземляные и долговременные сооружения. К середине сентября 1941-го было уже создано несколько полос, прикрывавших Осташковско-бологовское и ржевско-московское направления. Наиболее важными стали оборонительные рубежи по линии Большое Ронское — Любимка — Семеново Село, вдоль левого берега р. Волги от пос. Селище до с. Ельцы и вдоль грунтовой дороги Молодой Туд — Оленино, а также на рубеже южнее и восточнее Оленина.

— Как только 23 июля исполнилось 16 лет, из сельсовета пришла повестка. Из нашей деревни Мосягино семь человек их получили: Иванов Василий, Мосягин Иван и пять девочек, моих одногруппок. Правда, их всех пораньше призвали. Нина Романова на окладах простыла, заработала туберкулез, прожила недолго. Давно нет в живых и Екатерины Мосягиной. А два года назад не стало Шуры Корневой. Она жила у дочки в Архангельске, там и похоронена, — рассказывает участница трудового фронта. — Рыли мы противотанковый ров около деревни Будаево. Каждый день с Мосягина ходили пешком, километров двенадцать в один конец будет. Местные на ночь уходили домой. Как только за порог ступали, так кулем и валились. Что ж, питание скудное, работа для подростков тяжелая. Но откуда-то силы брались?! Молодость, наверное, помогала. Работали по 10 и более часов. Час копаем — 10 минут отдыхаем. Больше времени выделялось на обеденный перерыв. Обедом нас кормили. В воскресенье выходной давали, но хроническая усталость не проходила. От лопат на руках кровавые мозоли натирались.

Июль, август, сентябрь и неполный октябрь работала. Все население было мобилизовано на такие работы. Взрослые мужчины сооружали доты и дзоты, навали в лесу. А мы, молодняк, — на земляных работах. Больше-о-ой ров копали: от Захарова до Кочи, — протянула рассказчица, как будто увидела его вновь. — Метра 3-4 в глубину и столько же, а то и больше, в ширину. А кверху-то, пожалуй, еще шире.

...Г.П. Асинкритов, удомельский краевед, в своем докладе

ми наперевес за спинами. Прямо-таки стеной по большаку идут. Страшные... А мы не уходим, смотрим как замороженные. Отец потом выговаривал нам сердито: «Кого ж вы глядели... Вас бы из пулеметов расстреляли, и спросу бы ни с кого не было». Приехали и начали шерстить по домам: кур ловить, продукты искать. У нас большой ларь с салом и другой провизией вычистили.

Оккупанты вели себя, как хозяева. Местных жителей держали в страхе и повиновении. Быстро нашли работу для подростков.

— Мы каждый день воду носили в бани, что стояли за деревней. Немцы собрали в деревенских домах все кадки. А когда выпал снег, стали воду на саночках воз-

лижаровской земле уже не было врага, оставившего после себя руины, пепелища и бомбовые воронки.

— Молодежь сразу же отправил на восстановление района. Я вместе с другими восстанавливала железную дорогу как стратегически важный объект. Шпалы носили и другую работу выполняли. Зима, холод, одежда койкакая... Потом весна началась, снег растаял. Около Черной грязи шли бои, вот туда нас и отправили на уборку территории. Нестроенные солдаты с нами недели две работали. Бывало, найдем погибшего воина, они его за ноги веревкой обвяжут, а мы вдвоем тянем. Только уже без ребят. Как немцы ушли, Васю и Ваню взяли в армию, — прошлое ясно

Не жалея себя

«Второй фронт — трудовой» упоминает: «В октябре 1941 года эта тяжелейшая задача была в основном решена. Только на участке Сахаровка — Оленино — Молодой Туд (на территории Селижаровского и Оленинского районов) было вынута 8 миллионов кубометров земли, уложено 12,5 тысячи кубических метров бетона, построено 468 дотов и дзотов, протяженность противотанковых рвов составила более 300 километров».

Валентина Павловна не вспомнила, а может быть и вовсе не знала, что руководил работами на Селижаровском участке обороны Ржевского укрепрайона летом и осенью 1941 года А.И. Ганзбург — директор московской строительной конторы. Об этом в архиве института Российской истории РАН сохранились воспоминания Д.М. Берникова, секретаря по электропромышленности, прибывшего 4 июля 1941 года в наш район:

«В Селижарово я поехал один и застал там полевое строительство № 3, уже сформированное из работников треста. Начальником был А.И. Ганзбург... У него было более 1000 квалифицированных рабочих — плотники, каменщики, бетонщики, арматурщики. Более 300 грузовых машин. И все время прибывал народ, мобилизованный из других районов. Очень много было с калининских текстильных фабрик «Пролетарка» и им. Вагжанова. В это время прибыл комсомольский батальон из Калинин, Торжка, Медного. Более 75 тыс. человек возводили оборонительные сооружения по линии фронта протяженностью почти 100 километров от Осташкова до Ржевского района. Было построено более 1200 огневых точек. На строительстве работало много местных колхозников. Главным образом, возчиками. Ведь необходимо было подвозить массу строительных материалов. Только на одну точку требовалось около 100 кубометров камня... 19 октября Ганзбург уже докладывал о том, что местное население, мобилизованное в строительные батальоны, было отпущено».

Через несколько дней, после окончания оборонительных работ, началась оккупация района. Вот как вспоминает о приходе врага Валентина Павловна:

— Сначала пришла немецкая разведка, а потом и остальное войско. Наши женщины в это время рядом с оковецким большаком колотили снопы. Отец, он тогда был председателем колхоза (на фронт его взяли после освобождения района), отправил меня предупредить их, чтоб уходили. Но мы не успели. И вот видим, немцы на мотоциклах по дороге движутся в нашу сторону: в зеленых шинелях, с автомата-

ми. Потом на немецкой кухне картошку чистили. В нашей небольшой избе две недели, отгородившись от нас коврами, жили два офицера. Помню такой случай: отец в длинной рубашке подшивает валенки. В свои 42 года он выглядел, как старик: седой, бородатый. Входит офицер, предлагает отцу, наверное, шнапс и наливает в пробочку. Отец говорит: «Что ж в пробочку? Наливай сюда». И подает граненый стакан. Выпил одним махом. Так немцы весь вечер потом заглядывали, интересовались состоянием отца: жив ли? И все удивлялись, цокали и головой покачивали, — изобразила, как это они делали.

В последующие дни события развивались более трагично.

— Много наших бойцов захватил враг в плен по ту сторону Волги. Привели и в нашу деревню. Нас из дома выгнали в баню. Своя семья семь человек, да еще дед к нам попросился: «Катя и Павел, пустите пожить». Родители согласились.

Одному из военнопленных, живших в нашем доме, удалось сбежать. Немцы, видимо, посчитали, что мама помогла ему. Ее за воротник и в штаб. А мы плачем. После того, как немец съездил в дер. Безумнично, чтобы удостовериться в том, что она там не появлялась и не передавала никаких сведений, к вечеру ее отпустили. Всю семью выпроводили в деревню Краски. И тогда началась настоящая каторга. У немцев был закон — без выяснения причины расстреливать гражданских, кто после пяти вечера идет по улице. Распоряжение выполнялось: много было убито простых людей.

Нас, ту же команду из семи человек, начали гонять на расчистку дороги. Декабрь и январь разгребали снег: мы — от Мосягина до Костенева, а тегляцковские — от Тегляцов до Мосягина. Староста ветками делал разметки по ширине. Сейчас трактора такие расстояния чистят, а тогда мы, подростки, лопатами... В январе пришли наши, успокоили: «Теперь не бойтесь». Мы вернулись в свою деревню и увидели разоренный дом: окна и двери разбиты, ни одной дровины... Хорошо, корова и овечка остались. Ночь в сильный мороз в лесу с животными сидели. Детей мама одеялом накрыла, а сама так с коровой и простояла. Замерзшие, потом весь день отогревались на печке.

После тяжелых месяцев оккупации народ наконец-то встряхнулся от страха. Главные — на Се-

всплывало в памяти. Валентина Павловна не сбивалась и не путалась в именах, фамилиях или в хронологии событий.

Во время войны все мужское население было призвано на фронт, и женщины успешно осваивали мужские профессии. Девушке тоже пришлось сесть за рычаги трактора.

— Два месяца на курсах трактористов училась. Как сейчас помню, мастер Кочнов говорит: «Ну, какие вы трактористы! Что я с вами заведу?». Тогда колесники были на шипах. Поверите ли, придем заводить трактор, так повернем, — приподнятой рукой как будто коснулась ключа зажигания, — а уж по-другому никак. Что ж, мы холодные-голодные, силенок не хватало. Шел 1942 год. Всю картошку, оставшуюся на полях, за зиму выкопали. Хорошим блюдом была! — Сказала так, будто ничего вкуснее в жизни не пробовала.

Отец Валентины Павловны сразу же после немецкой оккупации на фронт взял, брата Василия в ФЗО в Кемерово отправили, а ее в Москву на завод «Серп и молот».

— Но тяжело заболела мама. А ведь с ней трое маленьких детей... Она меня и отозвала. Со станции иду, подхожу к своему дому и чувствую — хлебом пахнет. Откуда?! Оказалось, младшая сестра Клавдия случайно «разнухала» оставленный нашими бойцами овес. И вот она с восьмилетним Женей и пятилетним Толей натаскала зерна домой. Мама говорила ей, что нужно с зерном сделать: помыть, в печке высушить и намолотить. Из этой овсяной муки хлеб и пекли. Как мы уцелили, не знаю. Мама опухшая вся была. Но к осени,

правда, стала брédать.

«Разве забудешь худую жизнь?» — вопрошает ветеран войны. Конечно, нет. Как внешняя вода ушли в прошлые годы лишений. Однако, помнится почти каждый день, отмеченный тяжелейшим трудом. Без жалоб и стонаний люди каждый день совершали маленький подвиг во имя будущего. Главное — небо над головой стало мирным. Не слышалось пугающих звуков немецких «ястребков», которые летали низко над крышами.

— Тут уж стала жизнь налаживаться. Организации начали работать. 1 января 1943-го я устроилась в типографию и отработала в ней до июля 1947-го. — Валентина Павловна поименно вспомнила всех своих бывших коллег: директора Н.И. Смирнова, редактора В. Кесореву, верстальщицу Л.В. Сапожкову и других.

На одной из вечеринок в деревне Островки познакомилась с фронтовиком Николаем, демобилизованным в девятнадцать лет по ранению. Вышла за него замуж и стала жить в дер. Кекушево (Дмитровское с/п). Вся ее последующая жизнь тоже прошла в непрестанном труде. Подумать только, 56 лет бригадирского стажа! Почти ежегодно выводила свою бригаду в передовые. Почетные грамоты, Благодарственные письма от руководства разного уровня бережно хранятся в семейном архиве. Но есть среди прочих очень весомая награда за добросовестный труд — орден Трудового Красного Знамени, врученный в 1973 году.

— Тогда не только меня, но и Татьяну Александровну Барскую, совхозного агронома, наградили этим орденом, — подсказывает. С Татьяной Александровной их связывает общая трудовая деятельность, переросшая в многолетнюю дружбу.

Работы полно было не только на колхозно-совхозных полях и фермах, но и в домашнем хозяйстве. Коровы, свиньи, овцы, курочки или гуси, утки, а зачистую те и другие. Сейчас диву даешься фантастической работоспособности того поколения. Вставали с зарей, а то и раньше, укладывались спать, особенно в страду, за полночь. В большой семье Бочкаревых тоже на часы не смотрели. С раннего детства к труду приучались и дочери — Галья, Вера, Таня.

Валентину Павловну уважали рядовые колхозники, а руководство к ее мнению всегда прислушивалось. Часто приходилось видеть, как она быстрой походкой шагает по деревне или полю. Платок торопливо завязан «на бабочку», загорелое лицо, руки... И зимой темп не сбавляла. Усталость никак нельзя было угадать в этой бойкой, энергичной женщине. Еще одна ее отличительная черта — радушие, желание помочь людям.

Осталось немного до 90-летнего юбилея Валентины Павловны. Почему-то думается, что возраст не соответствует состоянию ее души: такая же активная, словоохотливая, доброжелательная, можно даже сказать, смешливая. Настроение поднимет в миг!

...Перед глазами ее натруженные руки — крупные, узловатые, потемневшие от мороза, зноя и ветров. Никогда не знавшие покоя, красноречивее всех слов рассказывающие об изнурительном физическом труде, которым пришлось заниматься с юности. Никогда не жалела себя. О таких, как В.П. Бочкарева, говорят: «Они совершили народный подвиг!»

Татьяна ВИКТОРОВА.